

Лекса Мануш

## ФОЛЬКЛОР ЛАТЫШСКИХ ЦЫГАН (основные жанры и тематика)

Развитие европейской науки способствовало зарождению во второй половине XVIII в. новой специальной дисциплины — цыганологии. Первоначально предметом ее изучения был цыганский язык. Однако вскоре круг цыганологических проблем уже не ограничивается одной лингвистикой. Внимание ученых привлекают вопросы истории, антропологии и этнографии цыган и в первую очередь их устнопоэтическое творчество.

В XIX в., особенно во второй его половине, в монографиях под лингвистическими названиями часто публикуются образцы произведений песенного и повествовательного фольклора, записанные у цыган Турции, Венгрии, Румынии, Буковины, Чехии и Словакии<sup>1</sup>. В этот период довольно часты публикации цыганского фольклора и на страницах различных европейских журналов<sup>2</sup>. Появляются также первые издания сборников цыганских сказок в переводах на европейские языки<sup>3</sup>.

В начале XX в. (1907—1914 гг.) в издающемся с 1888 г. в Англии цыганологическом журнале печатаются материалы по фольклору английских, уэльских и болгарских цыган, собранные Дж. Сэмпсоном (1862—1932) и Б. Гилльят-Смитом (1883—1974)<sup>4</sup>. В 20—30-е годы помимо работ Дж. Сэмпсона и изданного на немецком языке сборника цыганских сказок (в числе которых и пять сказок, записанных в Болгарии Б. Гилльят-Смитом)<sup>5</sup> впервые публикуется богатый фольклорный материал, собранный в южной Польше И. Коперницким (1825—1891)<sup>6</sup>. В опубликованных в 30-х годах работах К. Ж. Поппа Сербояну и Н. Шейтанова<sup>7</sup>

<sup>1</sup> См.: *Puchmayer A. J.* Románi Čib, das ist: Grammatik und Wörterbuch der Zigeuner-Sprache, nebst einigen Fabeln in derselben. Prag., 1821; *Müller F.* Beiträge zur Kenntniss der Rom-Sprache. Wien, 1869; *Paspali A.* Études sur les Tchinghianés ou Bohémiens de l'empire Ottoman. Constantinople, 1870; *Miklosich F.* Über die Mundarten und die Wanderungen der Zigeuner Europas. Wien, 1872—1881; *Constantinescu B.* Probe de limba și literatura țiganilor din România. București, 1878; *Ješina J.* Románi Čib čili Cikánský jazyk. Praha, 1880; *idem.* Romani Čib oder Zigeuner-Sprache. Leipzig, 1886; *idem.* Slovník česko-cikánský a cikánsko-český jakož i cikánsko-české pohádky a povídky. Hora Kutná, 1889; *Von Sowa R.* Die Mundart der slovakischen Zigeuner. Göttingen, 1887.

<sup>2</sup> См., например: *Gaster M.* Zigeunerische Märchen aus Rumänien. Der Eisenmann.— In: *Ausland*, Jg. 53. Stuttgart, 1880, S. 257—259; *idem.* Zigeunermärchen aus Rumänien.— *Ibidem*, Jg. 54, 1881, S. 745—749.

<sup>3</sup> *Von Wislocki H.* Märchen und Sagen der transsilvanischen Zigeuner. Berlin, 1886; *Groome F. H.* Gypsy Folk-Tales. London, 1899, 302 p.

<sup>4</sup> См. *Black G. F.* A Gypsy Bibliography. Ann Arbor, 1971, p. 66, 150, 151.

<sup>5</sup> *Sampson J.* The Dialect of the Gypsies of Wales. Oxford, 1926; *idem.* XXI Welsh Gypsy Folk-Tales. Gregynog, 1933; *Aichele W., Block M., Ipsen J.* Zigeunermärchen. Jena, 1926.

<sup>6</sup> *Kopernicki I.* Textes tsiganes. Contes et poésies avec traduction française. Kraków, 1925—1930.

<sup>7</sup> *Popp Serboianu C. J.* Les Tsiganes. Histoire, ethnographie, linguistique, grammaire, dictionnaire. Paris, 1930; *Шейтанов Н.* Принос към говора на Софийските цигани. София, 1933.

содержатся отдельные произведения фольклора румынских и болгарских цыган.

Послевоенный период — новый этап в собирании цыганского фольклора. Выходит в свет изданный Д. Йейтс (1880—1974) сборник цыганских сказок<sup>8</sup>. Новые материалы по фольклору цыган Югославии, Австрии, Венгрии и Чехословакии публикуют Р. Ухлик<sup>9</sup>, И. Кноблех<sup>10</sup>, братья И. и Ш. Ченки<sup>11</sup>, М. Гибшманнова<sup>12</sup>, Л. Сеге<sup>13</sup>. Произведения устного цыганского творчества печатаются в различных научных изданиях и в появившихся после войны новых цыганологических журналах<sup>14</sup>. Выходят в свет альбомы пластинок с записями песен цыган Финляндии (1972 г.), Чехословакии (1974 г.) и Венгрии (1976 г.)<sup>15</sup>.

В России цыганский фольклор начали изучать со второй половины XIX в. Еще в 1852 г. академик О. Бетлинг (1815—1904) впервые публикует две песни русских цыган<sup>16</sup>. Позднее эти же песни встречаются в работе К. П. Патканова<sup>17</sup>. Три песни русских цыган в искаженной записи на слух содержатся в одном исследовании «страстного цыганиста» — русского поэта А. Григорьева, а в дневниках другого русского поэта — А. Блока, не менее страстно влюбленного в цыганское пение, — есть запись еще одной песни русских цыган<sup>18</sup>. Несколько текстов цыганских песен опубликовано в учебнике цыганского языка П. Истомина (Патканова)<sup>19</sup>. Большой материал по фольклору цыган Смоленщины собран и опубликован В. Н. Добровольским (1856—1920) — 75 текстов, в числе которых 25 песен и 14 сказок<sup>20</sup>.

Позднее собиранием и публикацией цыганских песен занимался у нас в стране академик А. П. Баранников (1890—1952)<sup>21</sup>. Цыганский фольк-

<sup>8</sup> Yates D. E. A Book of Gypsy Folk Tales. London, 1948.

<sup>9</sup> См., например: Uhlik R. Serbo-Bosnian Gypsy Folk-Tales.— Journal of the Gypsy Lore Society. Liverpool, 1946, v. 25, № 3—4, p. 92—104; v. 26, № 3—4, p. 116—127; Ухлик Р., Радичевич Б. Цыганска поезија. Сарајево, 1957. См. также нем. перевод: Uhlik R., Radicević B. Zigeunerlieder. Leipzig, 1977.

<sup>10</sup> Knobloch J. Volkskundliche Sinti-Texte. Freiburg, 1950; *idem*. Romani-Texte aus dem Burgenland. Eisenstadt, 1953.

<sup>11</sup> Csenki I., Csenki S. Bazsarózsa. 99 cigány népdal. Budapest, 1955; Csenki S. Cigány népmesék. Püspökladány, 1972; Csenki I., Csenki S. Cigány népdalok és táncok. Budapest, 1977.

<sup>12</sup> Hübschmannová M. Cikánské písně. Praha, 1960; *idem*. Romské pohádky. Praha, 1973; *idem*. Lačo lav sar maro. Dobré slovo je jako chleba.— Nový Orient. Praha, 1976, № 6, s. 183, 184.

<sup>13</sup> Csikóink kényesek. Magyarországi cigány népköltészet. Válogatta, az utószót és jegyzeteket írta Szegő László. Budapest, 1977, 318 l.

<sup>14</sup> См., например: Vekerdi J. Two Gypsy Tales.— In: Acta Orientalia. Budapest, 1964, XVII, p. 335—342; Valis E. Two Gypsy Tales from Hungary.— Acta Linguistica. Budapest, 1968, t. 18, fasc. 3—4, p. 375—392; Valtonen P. Poèmes en dialecte tsigane finlandais.— Études Tsiganes. Paris, 1969, № 1—2, p. 1—3; Barthélemy A. Poèmes recueillis en Amérique latine.— Ibidem, p. 3—7; Nicolini B. Proverbi zingari.— Lacio drom. Roma, 1971, № 1, p. 20—29; Heinschink M., Meissner P. Der arme Zigeuner und der Teufel.— Mitteilungen zur Zigeunerkunde. Mainz, 1976, № 2, S. 6—10.

<sup>15</sup> Kaale džambena. Suomen mustalaiset laulavat. Finnish Gypsies Sing. Love Records, 2-LXLP-508/509; Magyarországi cigány népdalok. Gyűjt. és közreadja Rudolf Víg. Hungaroton, SLPX, 18028—29; Romane gil'a. Antologie autentického cikánského písňového folkloru. Sest. Davidová E. a Gelnar J. Praha, 1974.

<sup>16</sup> Boethlingk O. Über die Sprache der Zigeuner in Russland.— Bulletin de la Classe hist.-phil. de l'Académie Imp. des sciences de S. Peterbourg, 1852, t. 10, p. 261—267.

<sup>17</sup> Патканов К. П. Цыганы. Несколько слов о наречиях закавказских цыган: боша и карачи. СПб., 1887.

<sup>18</sup> Григорьев А. Русские народные песни с их поэтической и музыкальной стороны.— Отечественные записки, 1860, № 4—5; см. также: Собрание сочинений Аполлона Григорьева под ред. Саводника В. Вып. 14. М., 1915, с. 44—48; Блок А. Дневник 1920 года.— Собрание сочинений в 8 томах. Т. 7. М.—Л., 1963, с. 376.

<sup>19</sup> Истомин (Патканов) П. Цыганский язык. Грамматика и руководство к практическому изучению разговорной речи современных русских цыган. М., 1900.

<sup>20</sup> Добровольский В. Н. Киселевские цыгане. Вып. 1.— Цыганские тексты. СПб., 1908.

<sup>21</sup> См. Barannikov A. Songs of the Ukrainian Gypsies.— Journal of the Gypsy Lore Society. Liverpool, 1931, v. 10, № 1, p. 1—53.

лор привлекал также внимание профессора М. В. Сергиевского (1892—1946) и советских цыганских литераторов Н. А. Панкова (1895—1959) и А. В. Германа (1893—1955)<sup>22</sup>. Следует упомянуть и публикацию сказок, записанных в 1938 г. студентом А. Н. Балабаном<sup>23</sup>.

В послевоенные годы на русском языке издавались цыганские сказки, записанные и литературно обработанные венгерским филологом Т. Бартошем, и сказки, написанные по мотивам фольклора русских цыган<sup>24</sup>. Во втором сборнике приведено 30 цыганских песен, текст которых дан на цыганском и русском языках. В 1970 г. издан небольшой сборник цыганского фольклора, составленный Г. В. Кантей; в него вошли 55 песен (в том числе 46 коротких «припевок»), две сказки, семь анекдотов, 15 паремий и 20 загадок на урсарском диалекте цыган Молдавии<sup>25</sup>. Песенная поэзия русских цыган представлена в сборниках А. А. Лихатова (14 текстов) и С. М. Бугачевского (68 песен)<sup>26</sup>. Три песни и одна сказка опубликованы В. И. Санаровым<sup>27</sup>.

До недавнего времени цыганологическая фольклористика ограничивалась лишь собиранием фольклора. Сколько-нибудь заметных исследований аналитического характера, по-видимому, не существовало. В работах А. П. Баранникова давался краткий обзор тематики песен украинских и южнорусских цыган<sup>28</sup>, а в посмертно опубликованной статье Дж. Сэмпсона<sup>29</sup> — анализ особенностей метрической структуры песенной поэзии греческих цыган Турции. Только в 60-е годы исследованиями А. Хайду, Й. Векерди и Л. Сегё положено начало подлинно научному изучению устнопоэтического творчества венгерских цыган<sup>30</sup>. Тогда же был сделан обстоятельный анализ тематики песенной поэзии цыган Польши в работе Е. Фицовского, а в 70-е годы в небольшой статье Э. Давидовой и И. Гельнара предпринята классификация жанрового состава песен цыган Чехословакии<sup>31</sup>.

Собирание фольклора латышских цыган началось сравнительно недавно. В 30-е годы этим занимался цыганский религиозный и общественный деятель Ян Лейманис<sup>32</sup>. Известна изданная в его переводах на диа-

<sup>22</sup> Сергиевский М. В. Вашо романэ гиял.— В кн.: Романы зоря. № 1. М., 1927, с. 19—23; Герман А. Цыганские сказки.— В кн.: Читатель и писатель. М., 1928, № 9, с. 2; его же. Цыганские народные сказки.— Дружба народов. М., 1941, кн. 7, с. 279—289.

<sup>23</sup> Цыганские сказки.— В кн.: Фольклор Дона и Кубани. Сб. I. Ростов-на-Дону, 1938, с. 270—278.

<sup>24</sup> Бартош Т. Никогда не было тебя, Цыгания! (Перевод с венгерского). М., 1961; Романы-чай И. (Андроникова И. М.). Сказки идущих за солнцем. По мотивам цыганского фольклора. Л., 1963.

<sup>25</sup> Кантя Г. В. Фолклорос романо. Кишинев, 1970.

<sup>26</sup> Лихатов А. А. Цыганские песни в сопровождении семиструнной гитары. Л., 1967; Бугачевский С. М. Цыганские народные песни и пляски. М., 1971.

<sup>27</sup> Sanarov V. J. Trois chansons tsiganes russes.— Études Tsiganes. Paris, 1969, № 3, p. 1—7; *idem*. Ruzha. Romany paramichi anda Sovyeticko Uniovo.— Rom Som. Budapest, 1977, № 2, 8—9 old.

<sup>28</sup> Баранников А. П. Цыганы СССР. Краткий историко-этнографический очерк. М., 1931, с. 48, 49, 64—66; его же. Українські цигани. Київ, 1931, с. 26—28.

<sup>29</sup> Folk-Songs of the Tchingianés. Extracted from the Études of Dr. A. G. Paspatis/ Edited, with Notes and English Translation, by the Late John Sampson.— Journal of the Gypsy Lore Society. Liverpool, 1947, v. 26, № 1—2, p. 53—73.

<sup>30</sup> Hajdu A. Le folklóre tsigane.— Études Tsiganes. Paris, 1962, № 1—2, p. 1—32; *idem*. La loki djili des Tsiganes Kelderaš.— Arts et traditions populaires. Paris, 1964, t. 12, № 2, p. 139—177; Vekerdi J. Gipsy Folk Songs.— Acta Orientalia. Budapest, 1967, v. 20, fasc. 3, p. 339—352; *idem*. A cigány népmese. Budapest, 1974, 280 l.; *idem*. A cigány epikus stílus kérdése.— Népi kultúra — népi társadalom. Budapest, 1975, 367—375 old.; Szegő L. Cigány népballadák.— Forrás. Budapest, 1971, № 3, 24—25 old.; *idem*. Some Problems of the Ballad of the Snake.— Acta Orientalia. Budapest, 1973, v. 27, fasc. 3, p. 373—386.

<sup>31</sup> Ficowski J. Cyganie na polskich drogach. Kraków, 1965, s. 207—225; Davidova E., Gelnar J. Analyse du folklore vocal des Tsiganes contemporains en Tchécoslovaquie.— Études Tsiganes. Paris, 1975, № 2—3, p. 5—12.

<sup>32</sup> О нем см. Jānis Leimanis.— Latviešu konversācijas vārdnīca, Rīgā, 1935, XII sēj.

лект латышских цыган религиозная литература, но собранный им фольклорный материал, по-видимому, так и остался неопубликованным. Лишь в 1938 г. эстонским академиком П. А. Аристэ впервые были изданы отдельной книжкой три сказки на диалекте латышских цыган<sup>33</sup>. Позднее он публикует еще одну сказку, песню, легенду и несколько паремий латышских цыган, а в 1973 г. — пять сказок, записанных им в 1935 г. от Эдгара Козловского (1919 г. р.) в г. Тарту<sup>34</sup>. Фрагменты четырех песен латышских цыган, записанные Яном Чичисом (жителем г. Вентспилса, ЛатвССР), опубликованы в лингвистической работе Я. Кохановского<sup>35</sup>. В основу настоящей статьи положен материал, собранный автором в 1963 и 1966—1969 гг.: 50 песен и 14 произведений народной прозы латышских цыган. 15 песен и 10 произведений повествовательного фольклора записаны автором в 1963 г. на ст. Вангажи (Рижский р-н) от Каты Мартинкевич (1900 г. р.), шесть песен — от Аустры Козловской (1933 г. р.), четыре — от Карла Рудевича (1939 г. р.), три — от Валдиса Клейна (1919 г. р.). К настоящему времени автором опубликованы восемь песен и две сказки; одна песня записана на грампластинку<sup>36</sup>.

В фольклоре латышских цыган представлены все основные виды народнопоэтического творчества — песенная поэзия, устная проза и так называемые брахилогизмы, или «малые жанры» фольклора<sup>37</sup>.

Песня (цыг. *gili* [скр. *giti*]) — популярнейший у цыган фольклорный жанр. О том, какое значение песня всегда имела в их жизни, лучше всех сказал советский цыганский поэт Георгий Лебедев:

Ромá гилѐнца бияндлѐ-пѐ,  
Гилѐнца мѐрна о ромá.  
Нанѐ адáсави э шáтра,  
Кай на шундлѐ-пѐ бы гилѐ! <sup>38</sup>

Цыгане рождаются с песней на свет,  
И с песней его покидают.  
Пожалуй, такого шатра в мире нет,  
Где песен они не слагают!

Подобно цыганам других этнолингвистических групп, латышские цыгане делят свои песни на два типа: *trúdna*, или *pharé, gílá* («тяжелые», т. е. протяжные, песни) и *xótna*, или *khelibnítká, gílá* (веселые, или плясовые, песни) — деление, в основе которого лежит, по-видимому, различие в музыкальном стиле. Характерная особенность песенного фольклора латышских цыган — отсутствие обрядовой поэзии и жанра трудовых песен, широко представленного, например, в латышской народной словесности<sup>39</sup>. Специфический, исторически обусловленный образ жизни цыган

<sup>33</sup> *Ariste P. Romenge paramiši. Tartu, 1938.*

<sup>34</sup> *Ariste P. Des Tziganes (Bohémiens) des Pays Baltes. — In: Omagiu lui Iorgu Iordan cu prilejul împlinirii a 70 de ani. Bucureşti, 1958, p. 35—40 (далее — PA, 1958); idem. Mustlastest. — Eesti Loodus, Tartu, 1959, № 1, lk. 22—28; idem. The Latvian Gypsy Legend of May Rose. — Journal of the Gypsy Lore Society. Liverpool, 1961, v. 15, № 3—4, p. 100—105; idem. Einige Sprichwörter der Cuchny-Zigeuner. — Proverbium. Helsinki, 1972, № 18; S. 692, 693 (далее — PA, 1972); idem. Einige Märchen der Cuchny-Zigeuner. — Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 309 — Труды по востоковедению, II. 1973, с. 5—40 (далее — PA, 1973).*

<sup>35</sup> *Kochanowski J. Gypsy Studies. Pt I. New Delhi, 1963, p. 134, 135 (далее — JK).*

<sup>36</sup> *Manuš L. Quelques chansons des Tziganes lettons. — Études Tziganes. Paris, 1972, № 1, p. 1—6 (далее — LM, 1972); idem. Chaj te vešeskiru. Conte des Tziganes lettons, par Kāta Martinkevič. — Ibidem, 1976, p. 1—8 (LM, 1976); idem. Eine kurze Erzählung aus Lettland. — Mitteilungen zur Zigeunerkunde, Mainz, 1978, N 6, S. 9—12 (LM, 1978); Песни цыган разных стран/Исп. Р. Джелакаева и П. Деметр. — Мелодия, СМ 04459—60 (далее ПЦРС).*

<sup>37</sup> Термин «брахилогизм» включает в себя понятие как паремий (пословиц и поговорок), так и загадок. О его употреблении см., например, Фольклор балтских народов. Рига, 1968 (далее — ФБН) с. 23, 308.

<sup>38</sup> *Лебедево Г. Гилори. — В кн.: Альманахо романэ поэтэн. Альманах цыганских поэтов. М., 1931, с. 34; см. также в русском переводе Обрадовича С.: Журнал для всех. М., 1929, № 10, с. 26. Здесь все цыганские тексты даются в переводе автора статьи.*

<sup>39</sup> См., например: *Витолинь Я. Латышская народная песня. М., 1969, с. 13—44; Бараускаене В. Общие моменты в литовских и латышских трудовых песнях. — ФБН, с. 27—52.*

наложил печать и на их устное творчество. Можно отметить общие для песенного фольклора балтских народов и латышских цыган группы песен: помимо семейно-бытовых это сиротские, корчемные и рекрутские, или военные, песни. По функционально-тематическому принципу и по жанровым признакам песни латышских цыган можно классифицировать следующим образом:

I. *Лиро-эпические песни.*

II. *Лирические песни:* а) *семейно-бытовые*; б) *сиротские*; в) *рекрутские (или военные)*; г) *корчемные (застольные)*.

III. *Плясовые.*

Лиро-эпический жанр народной поэзии латышских цыган представлен весьма обширной группой песен самого разнообразного содержания, в которых особенно ярко отражено своеобразие цыганского образа жизни в прошлом. Это прежде всего песни о конокрадах и конских барышниках, об удалстве и необычных приключениях цыган. Среди песен этой группы выделяется драматическая по своему сюжету «Cordžum tele džadžuske šajōgja» («Украл я дочку джаджуса», т. е. цыганского вожака) (LM, 1972, № 3), в которой рассказано о братьях, жестоко расправившихся с сестрой; ее повесили на березе. В песне «Pale do rekica, pale do pāning» («За той речкой, за той водою», LM, 1972, № 4), рассказывается о том, как цыган украл у барина трех коней. Когда слуги барина схватили конокрада, барин спросил, сколько у него было сообщников. Цыган ответил:

|                           |                           |
|---------------------------|---------------------------|
| Pheršo sumas me kokōro,   | Первым был я сам          |
| Vāvir sis mu bistru vast, | Вторым — моя ловкая рука, |
| Odo trito — čemno rat,—   | Третьим — темная ночь.—   |
| Dolá isāmas grēnge čogá.  | Вот и все конокрады.      |

Эта цыганская песня перекликается с известной русской народной песней «Не шуми, мати, зеленая дубравушка».

Другая песня этого цикла — «Kālu mīru postin, lōli mīri kustik» («Черна моя шуба, красен мой кушак») (LM, 1972, № 2) строится на диалоге между барином и цыганом. Барин торгует коня, за которого цыган просит 300 целковых и младшую дочь барина. Долго им не удается прийти к соглашению, но в конце концов ловкий цыган заключает выгодную для себя сделку:

|                               |                             |
|-------------------------------|-----------------------------|
| Dijá jov mānge trin šel rūbli | Дал он мне триста целковых, |
| Dijá ternedír čhá.            | Дал мне младшую дочь.       |

Из интересной по композиции песни «Ku da tiknu khēgōro» («У той маленькой избушки»), записана в 1969 г. от К. Рудевича (1939 г. р.), узнаем, что молодой цыган увозит в лес девушку, разводит большой костер, созывает на свадьбу цыган, спаивает их, а затем вдруг скачет прочь и просит своего коня «вынести из беды его голову».

Неудачное сватовство, любовь против воли отца и женитьба в «чужом краю» являются основными темами трех других песен лиро-эпического жанра: «Mande sis jekh mlodžikus» («Был у меня один кавалер»), «Ked sūmas me ternú čhāvu» («Когда я был молодым парнем») и «De, dēlōro, daulale, maņ baxtōril!» («Дай мне, господи боже, счастьяца») (записано от К. Мартинкевич).

Еще более обширен репертуар бытовой лирики латышских цыган, включающий в себя семейно-бытовые, сиротские, рекрутские и корчемные песни.

Одну из центральных тем семейных лирических песен латышских цыган можно охарактеризовать словами А. С. Пушкина, сказанными им о русских песнях: «Несчастье жизни семейственной есть отличительная

черта во нравах русского народа. Шлюсь на русские песни: обыкновенное их содержание — или жалобы красавицы, выданной замуж насильно, или упреки молодого мужа постылой жене...»<sup>40</sup>.

Вот как, например, замужняя цыганка оплакивает в песне свою судьбу:

|                                  |                                     |
|----------------------------------|-------------------------------------|
| Terni sumas te baxt mange nāni,— | С молодых лет я о счастье мечтала,— |
| Mi baxtōri tal pāning si pašli.  | Скрылось счастье в пучине морской.  |

Единственным виновником своих страданий она считает мужа, который загубил ее молодость. Глубокое отчаяние и тоска по счастью заставляют ее горестно воскликнуть:

|                                 |                                  |
|---------------------------------|----------------------------------|
| Ax, podén mange phārone tašmi,— | Ах, подайте мне ленты из шелка,— |
| Te-khuváv len an kālē da balá.  | В черны косы себе их вплету.     |
| Ax, podén mange kālē sivunés.—  | Ах, подайте скорей вороного,—    |
| Te-rodáv me morósko xoripén!    | На дне моря я счастье сыщу!      |

Трагизмом проникнут и следующий куплет песни, в котором говорится о том, как волны отказались принять тело несчастной женщины и выбросили его на берег.

В другой песне цыганка вспоминает отчий дом:

|                                      |                           |
|--------------------------------------|---------------------------|
| Me bārijum ko mīro dād,              | Я в доме отцовском росла, |
| Sir ružica ande bār (LM, 1972, № 1.) | Как роза в саду, я цвела. |

Она упрекает мужа за то, что он забрал ее из «розового сада» и обрек на вечные страдания и слезы. Единственное ее желание — вернуться в дом отца.

Совершенно иным чувством проникнута песня «Aj, gomále, aj, čhavá-le!» («Ай, цыгане, ай, ребята»), в которой цыган просит родственников не бить его жену, так как он никогда ее не покинет, потому что у него двое детей. Тема любви звучит и в песне «Nāni čaši, nāni čaši...» («Нет, неправда, нет, неправда...», LM, 1972, № 6). Молодой цыган не верит слухам об измене своей невесты. Оседлав вороного, он едет в гости к девушке. В лирической песне «Lodočka» («Лодочка») цыган жалуется на жизненные невзгоды, которые, словно волны в море, унесли его, разлучив с любимой. Будь у него лодочка, он поплыл бы к берегу, но «...что поделать, что поделать? Счастья нет!» Этим рефреном заканчивается каждый куплет песни:

|                                |                                       |
|--------------------------------|---------------------------------------|
| Ti-javél man, ti-javél man ada | Ах, имел бы, ах, имел бы              |
| kālo graj,—                    | ворона коня,—                         |
| Ti-urpovās, ti-urpovās, dauła, | Я помчался б, полетел, инэнэ, к тебе, |
| me ke tu, nené.                | мой свет.                             |
| Aj, so ti-kerav, so ti-kerav?  | Но что поделать, что поделать?!       |
| baxt nāné!                     | Счастья нет!                          |

В песне «Laču dīvés, mi daj!» («Здравствуй, мать моя!») после долгой разлуки с родными цыган возвращается домой и ведет рассказ о преждевременно загубленной молодости и пережитых страданиях. Острой человеческой болью, нежной любовью к старушке-матери и к старику-отцу, глубоким трагизмом проникнута каждая строка этой песни. Жизнелюбие, жажда жизни, привязанность ко всему, с чем он был связан, — основной мотив песни «Haj tu dād, mi daj, zaħaškir jāg-i!» («Отец мой, мать моя, огонь зажгите!», JK, № 3), в которой умирающий цыган просит, чтобы на кладбище его везли весело, без слез и причитаний:

|                       |                          |
|-----------------------|--------------------------|
| Haj ku mu gróbus gren | У гроба моего пусть кони |
| khełakirén,           | громко ржут,             |
| U vīni pjen te šlānki | Вино цыгане пьют и рюмки |
| phagirén.             | звонко бьют.             |

<sup>40</sup> Пушкин А. С. Путешествие из Москвы в Петербург. — В кн.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 7 — Критика и публицистика. Л., 1978, с. 197.

Та же тема семьи, тема любви к близким является центральной и в рекрутских (или военных) и сиротских песнях латышских цыган. Содержание песни «Jauja mange kraļistīr līl» («От царя пришла бумага») следующее: цыган получает царский приказ идти в солдаты и остро переживает предстоящую разлуку с женою и детьми. Ему представляется, что цыганка бросит детей и уйдет к другому. Возвратившись спустя некоторое время домой, он, действительно, застаёт детей одних и спрашивает: «Кто ж кормил вас, мои детки, колыбельку кто качал?» Дети ему отвечают:

Cīrklōrō, men te-xāl dijā,  
Balvalōri kunindžā.

Птичка нам еду носила,  
Ветерочек нас качал.

Другая песня этого же цикла, «Tīknu me sumas, bāru vibārijum» («Маленьким был я, вырос большим»), начинается с воспоминания цыгана о детстве в отчем доме, где он мальчишкой бегал на конюшню кормить лошадей. Получив известие о том, что царь велит ему собираться на войну, молодой цыган обращается к своему отцу:

Ai, mu dādōro,  
Mīru milu vai dādōro!  
Saj kurtālica tu man dēsa  
Pe da kraliski vojskica?

Ах ты, мой батюшка,  
Милый мой, славный мой батюшка!  
Подари мне острую саблю.—  
Время ехать в войско.

Собравшись на войну, он едет через березняк, и деревья роняют росу на спину его коня. Три сабли сломал он на войне, а четвертую привез домой. При встрече с отцом он произносит полные нежности и печали слова

Ai, mu dādōro,  
Mīru milu vai dādōro!  
Savu sivu tu jāčhān-i,  
Poskil khēre nasum!

Ах ты, мой батюшка,  
Милый мой, славный мой батюшка!  
Как ты сильно поседел,  
Пока меня дождался!

Потребность в родительском совете, в поддержке отца и ласковом наставлении матери особенно остро ощущаются, когда их нет уже в живых.

Ušti, dādōro, nāpašu,  
Te sīkāv dromōro,  
Kaj te-džāv!

Встань, батюшка, не спи,  
Куда идти,  
Дорожку покажи!—

взывает к покойному отцу в одной из песен сирота-цыган.

Kaj kanā me te-džāv?  
Kaj šēro te-čhuvāv?  
Ni man dād, ni man daj,  
Ni man nin lačhu graj  
(LM, 1972, № 7)

Куда же путь мне держать?  
Отца и мать где искать?!  
Нет родных у меня,  
Вороного коня,—

жалуется другой сирота.

Fēldica si mi daj,  
Vešōrō si mu dād.

Степь теперь — моя мать.  
Лес теперь — мой отец.

А коня себе он раздобудет сам,— ведь какое же цыганское счастье без коня?!

Lav savāris, čupnī,—  
Džāva baxt te-rodāv,  
Džāva baxt te-rodāv,  
Sivunēs te-lathāv.

Плеть и сбрую возьму,  
Вслед за счастьем пойду,  
Вслед за счастьем пойду,  
Вороного найду.

В последней строфе в обращении цыгана к коню снова содержится жалоба на несчастную сиротскую долю.

Молодецкая удаль, прославление молодости и свободы, буйное веселье в корчме — таковы основные мотивы корчемных песен «Kaj džása, čhāvōgo?» («Куда идешь ты, паренек?», *LM*, 1972, № 5) и «Lidžen man-i, kaj lidžindoj» («Ведите меня, куда угодно»). Чувством горечи и стыда перед людьми за беспечно прожитую жизнь и ошибки молодости пронизана застольная песня «Dāđōgo phūgu, dajōri nāni» («Батюшка — старый, матушки нет», *ПЦРС*).

Обширную группу песен латышских цыган составляют плясовые песни, основная функция которых — сопровождение цыганской пляски. Как правило, они шуточного характера, но по тематике близки к семейно-бытовым и любовным. Типичным образцом песен этой группы может служить «Ošip džāla, žima jāla...» («Осень проходит, зима наступает...»), в которой цыган в шутливой форме жалуется шурина на то, что наступает холодная зима, а жена у него босая. Он просит у шурина 200 рублей и грозит бросить жену, если ее брат не даст деньги. Шурин умоляет не покидать сестру и дает 200 рублей. В качестве примера шуточной плясовой песни на любовную тематику приведем куплет из «Čhajōri govēla...» («Девушка рыдает...», *LM*, 1972, № 8):

|                   |                      |
|-------------------|----------------------|
| Čhajōri govēla,   | Девушка рыдает,      |
| Joj romēs kamēla, | По молодцу страдает, |
| Dāđōro nadēla,    | Тяжка не пускает,    |
| Čhajori našēla.   | Девчонка убегает.    |

В отличие от песен (*giļa*) — все жанры повествовательного фольклора латышских цыган называются *paḡamīša* — 'сказка' <новогреч. *paḡamýthi*. В сказочной прозе можно выделить волшебные, новеллистические и бытовые сказки. В репертуаре волшебных сказок латышских цыган (*PA*, 1973, № 1—5) популярны такие распространенные и в фольклоре других народов сюжеты, как «Победитель змея» (*AT-BC-AM* 300), «Поиски жар-птицы» (*AT-BC-AM* 550), «Конек-горбунок» (*AT-BC-AM* 531), «Безручка» (*AT-BC-AM* 706) <sup>41</sup> и др. Часто различные варианты волшебных сказок представляют собой контаминацию тех или иных сказочных сюжетов, например: *BC*—674\*+409 *A\** (*PA*, 1973, № 3), *AT-BC-AM* 156+300 (*PA*, 1973, № 4) или *BC*—516\*\*+706+—707\* (*PA*, 1973, № 1). Очень интересна по сюжету (*AT-AM* 407 *B*) и композиции сказка «Mūlénge phenáva, džidénge narphenáva» («Мертвым скажу, живым не скажу»), записанная автором в 1968 г. в Риге от В. Рудевич (1937 г. р.), слышавшей ее в детстве от матери Альвины Марцинкевич <sup>42</sup>.

Прекрасная девушка знакомится с красавцем-юношей. Каждый вечер они встречаются друг с другом, и всякий раз юноша таинственно исчезает. Однажды девушка выслеживает его и узнает, что это — черт (нечистый), который меняет свое обличье. Она перестает с ним встречаться, и у черта возникают подозрения. Теперь каждый вечер он появляется под окном дома девушки и спрашивает, что ей о нем известно, но девушка постоянно отвечает ему одними и теми же словами: «Мертвым скажу, живым не скажу». Эта сцена повторяется несколько раз. Умирают отец девушки, ее мать, сама девушка. Добрые люди хоронят ее в лесу в таком месте, где черт не может ее найти. Там вырастет прекрасный как сама девушка (ее имя Ружа), цветок. Одиноким лесник находит его

<sup>41</sup> Типы сказочных сюжетов определяются согласно следующим указателям: *Aarne A., Thompson S. The Types of the Folktale. Helsinki, 1961 (AT)*; Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л., 1979 (далее—*BC*); *Arājs K., Medne A. Latviešu pasaku tipu rādītājs. Rīgā, 1977 (AM)*.

<sup>42</sup> Весьма близкий вариант данной сказки (*AT-AM* 407 *B*) мы находим и у венгерских цыган. См. *Vekerdi J. A cigány népmese. Budapest, 1974, 217—223 old.* По-видимому, это объясняется тем, что отец Валентины Рудевич — Ферко Сигизмунд — принадлежал к этнолингвистической группе венгерских цыган-ловари.

и, пересадив в горшок, приносит в свою избушку. Каждый день, когда лесник уходит из дому, цветок превращается в девушку, которая прибирает горницу, съедает краюху хлеба и снова превращается в цветок. Как-то, когда она еще не успела превратиться в цветок, неожиданно появляется сын лесника, пришедший издалека навестить отца. Молодые люди влюбляются друг в друга и женятся. Спустя какое-то время, когда у них было уже двое детей, муж против воли жены переселяется с семьей в деревню. Здесь черт вновь находит Ружу, и снова она на его вопрос отвечает словами: «Мертвым скажу, живым не скажу». Один за другим умирают муж Ружи и оба ребенка. И лишь теперь, когда опять появляется нечистый, она, стоя перед образами, начинает рассказывать обо всем случившемся. Нечистый исчезает, а все близкие Ружи возвращаются к ней целыми и невредимыми.

Из новеллистических можно упомянуть записанную П. А. Аристе сказку (РА, 1958), в которой использованы сюжеты «Жена выручает мужа» (ВС-АМ 880) и «Неразгаданные загадки» (ВС-АМ 851).

Характерная особенность волшебных и новеллистических сказок латышских цыган в том, что в них нет образов самих цыган. Главные герои обычно — крестьянский сын Дурнила (РА, 1973, № 2, № 5), дочь обедневшего хозяина (РА, 1973, № 1), сын лесника (РА, 1973, № 4) или студент, который учился 25 лет (РА, 1973, № 3). Среди сказочных персонажей встречаются также торговцы (купцы), работник (слуга), почтальон (гонец), царский кучер, царь, царевна, различные звери, птицы и пресмыкающиеся (лев, медведь, змея), жар-птица, 12-главый змей и др.

Наибольший интерес представляют бытовые сказки, которым мы уделяли особое внимание при записи фольклора латышских цыган. Эти сказки имеют в известном смысле историческую и этнографическую ценность, поскольку главные персонажи их — латышские цыгане и в сказках ярко отражены особенности их быта в прошлом. В зависимости от того, есть в этих сказках волшебный вымысел или нет, их в свою очередь можно подразделить на две группы: бытовые фантастические и бытовые реалистические, или собственно бытовые, сказки. Наличие элементов фантастического вымысла сближает одни бытовые сказки латышских цыган с волшебными, другие — с русской быличкой. Среди первых можно назвать сказку «*Romāno čhāvo te mačhōgo*» («Цыганский парень и рыбака»), своеобразный цыганский вариант встречающейся в восточнославянском фольклоре волшебной сказки на сюжет «Рыба-Счастье» (ВС — 507 С\*), и «*Skempo štivo dād te rabo sar*» («Скупой отчим и пестрый удав»), действие которой происходит «очень далеко, в теплых странах», где девушка-красавица не может выйти на улицу с непокрытым лицом и люди дрессируют змей и животных. Единственным элементом сказочной фантастики в них является то, что животные-помощники разговаривают и действуют, как люди. В сказке «*Čhaj te vešeskīru*» («Цыганская девушка и вэшэскиру»<sup>43</sup>, LM, 1976) рисуется яркая картина старинного быта латышских цыган. Сказка эта — тоже своеобразный цыганский вариант сюжета о женихе-мертвце (ВС-АМ 365). Нечистый (леший) появляется сначала в виде лесника, а потом в виде жениха девушки. Скачущий над лесом конь нечистого и чудесные превращения — коня в белый гроб, леса в кладбище, а деревьев в могилы — составляют элементы волшебного вымысла. В другой сказке — «*Rom, gomni te nālačhu*» («Цыган, цыганка и нечистый») — описываются вполне реальные приключения цыгана. Лишь в конце повествования узнаем, что накануне возвращения цыгана домой к его жене в образе мужа является нечистый и душит ее насмерть в своих объятиях. И еще одна сказка — «*Xohanō čhāvó*» («Лживый парень»), в которой подробно описывается жизнь двух цыганских семей. Центральный образ в ней — парень, покинувший девушку, когда она го-

<sup>43</sup> Вэшэскиру — производное от цыг. *veš'* — лес'. В зависимости от контекста оно может означать и 'лесник', и 'леший'.

товилась стать матерью его ребенка. Позже он собирается совершить новое преступление — погубить своего старшего брата, но появляется девушка-утопленница и увлекает его за собою на дно реки.

Полностью отсутствуют какие-либо элементы сказочной фантастики в сказках «Džadžuski čhaj te bāro raj» («Дочь джаджуса и помещик»), «Nabaxtalo mladžikus» («Несчастный жених») и «Rompa te umblado xulasko raklo» («Цыганки и повешенный хозяйский сын», *LM*, 1978). Первая из них — трагическая история о том, как помещик за отказ цыганской девушки выйти замуж за его сына зарубил цыган. Во второй рассказывается о неудачной любви молодого цыгана и ссоре двух цыганских семей. В основе третьей лежит, по-видимому, мотив из сказки на сюжет о мести повешенного (*AT-BC-AM* 366). Мужчины из табора решают проучить богатого хозяина за то, что он стреляет в цыган из ружья, и идут воровать его добро. Тем временем оставшиеся в таборе женщины и дети находят поблизости повешенного, в котором узнают сына хозяина. Охваченные ужасом, они бегут прочь. Возвратившиеся в табор мужчины ищут женщин и детей. Обнаружив кражу, хозяин организует погоню: цыган хватают и сажают в тюрьму, а женщины с детьми и по сей день бродят неизвестно где по свету. Здесь содержится своего рода попытка дать объяснение причинам кочевого образа жизни цыган в прошлом.

В бытовых цыганских сказках, как уже отмечалось, ярко отображен реальный быт латышских цыган в сравнительно недалеком прошлом: даны картины их повседневной жизни, показаны их взаимоотношения и связи с латышским народом. Помимо цыган мы встречаем в этих сказках и представителей различных классов латышского общества — господ, крестьян, батраков. У одного латышского хозяина цыган выменивает коня, у другого снимает на зиму баньку или овин, к третьему нанимается в работники. Среди самих цыган также существует социальное неравенство: богатые эксплуатируют бедных (например, в сказке «Цыганский парень и рыбка»), причем симпатии народа всегда на стороне цыган-бедняков. Так же, как и в фольклоре других народов, в бытовых сказках латышских цыган резко осуждаются зло, несправедливость, жадность, супружеская неверность и другие пороки человека (например, в упомянутых сказках о скупом отчине и о лживом парне).

По-видимому, немногочисленную группу составляют в повествовательном фольклоре латышских цыган сказки о животных, предназначенные обычно для детей. Пока нам известна только одна такая сказка — «Vašņoro te kaхpōri» («Петушок и курочка», записана в 1968 г. от Сандо Рудевича, 1962 г. р.), лишь зачином напоминающая латышскую народную сказку «Как петушок и курочка по орехи ходили»<sup>44</sup>.

Самостоятельным жанром устной прозы латышских цыган являются также анекдоты о цыгане-простаке Бимбаре. Среди них есть сюжеты, известные повествовательному фольклору восточных славян и балтов, однако цыганские анекдоты отличаются национальным своеобразием. В одном из них Бимбар рубит под собою сук (*BC-AM* 1240). Его предупреждают, что он упадет, но Бимбар не верит. Упав с дерева, он думает, что предсказавший ему падение — волшебник, и желает узнать, от чего умрет. После второго предсказания Бимбар, считая себя мертвым, валится с телеги и лежит на проезжей части дороги; его «воскрешает» кнут барских слуг (*BC-AM* 1313 А). Бимбар меняет кобылу и телегу на «волшебный кнут», встречает похоронную процессию и тщетно пытается кнутом воскресить покойника (*BC* — 1313\*). Известен также анекдот, близкий к персидским, в котором Бимбар, завернувшись в теплое одеяло, бросается в озеро, чтобы достать свой ключ<sup>45</sup>. Из другого

<sup>44</sup> См., например, Латышские народные сказки. Избранное. Сост. К. Арайс. Рига, 1972, с. 93, 94.

<sup>45</sup> См. Книга о простаках (Дахо-Наме). Сборник персидских анекдотов. М., 1968, с. 9.

анекдота (BC-AM 1736) мы узнаем, что Бимбар нанимается к хозяину в работники. Хозяин посылает его на дальний луг косить траву. Проспав целый день, Бимбар является за платой. Хозяин отказывается уплатить сумму, которую просит Бимбар. «Ах, так?! — говорит цыган. — Пусть тогда трава на твоём лугу вырастет снова большая!» Известен также вариант этого анекдота на владарском (кэлдэарском) диалекте цыганского языка <sup>46</sup>.

Среди исполнителей анекдотов о Бимбаре следует отметить живущего на ст. Слока (г. Юрмала, ЛатвССР) Альберта Клейна (1939 г. р.), мастерски рассказывающего их как на цыганском, так и на латышском и русском языках.

Определенный интерес представляют и брахилогизмы фольклора латышских цыган. Наряду с широким употреблением пословиц и поговорок, являющихся дословными кальками с латышских или русских паремий (РА, 1972), известно немало и оригинальных цыганских брахилогизмов, например: пословица «*Romés gibnástir pinčkirésa*» — 'Цыгана по походе узнаешь', ср. латыш. «*Putnu pazīst no dziesmas*» ('Птицу узнают по песне') и рус. «Виден сокол по полету»; поговорки: «*kamāv, šīr mīrē jakhā*» — 'люблю, как свои глаза', т. е. очень сильно; «*mūlēnge mūri biknēla*» или «*mūlēndir mūri xāla oprē*» — 'продает (поедает) ягоды, растущие на кладбище', т. е. очень скупой человек; загадки: «*Duj baličhōré, štār rogōgjá*» — 'Два поросенка, четыре хвостика' (ботинки со шнурками); «*Ločijum — štār filačinā rikirdžum, vibārijum — phū rokindžum, me-jum — an khangīrī gijum. Kon davā si?*» — 'Родился — четыре имения держал, вырос — землю копал, умер — в церковь пошел. Кто это?' (корова — сначала телка, сосущая вымя, затем корова, роющая землю рогами, и, наконец, сапоги из коровьей шкуры, в которых по праздникам ходят в церковь).

Этим, пожалуй, и можно ограничить обзор основных фольклорных жанров народнопоэтического творчества латышских цыган по имеющимся у нас материалам. Поскольку настоящее сообщение является первой такого рода публикацией на русском языке, то естественно, что автор не мог в пределах одной статьи коснуться всех сторон фольклора данной этнолингвистической группы цыган. Так, в частности, в статье не рассматривалась группа любовных лирических песен, по всей вероятности, недавнего происхождения, и жанр сказочной прозы (легенды и рассказы исторического или автобиографического характера). Не затрагивались также особенности языка и поэтического стиля фольклорных жанров, представляющие собой обширную тему для отдельного исследования. Автор стремился дать общую характеристику народной поэзии латышских цыган и привлечь внимание ученых-фольклористов к интересному и самобытному фольклору одной из этнолингвистических групп цыган нашей страны.

---

<sup>46</sup> См. Amarí šib. Stockholm, 1979, p. 17--22.